

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

НЕ ДАЙ
ЕМУ УЙТИ

Анастасия Соловьева

Не дай ему уйти

«Центрполиграф»

2007

Соловьева А.

Не дай ему уйти / А. Соловьева — «Центрполиграф», 2007

Александра Ивина понимает, что смерть ее мужа, мэра большого провинциального города, не была случайностью, и вместе с дочерью спешно уезжает в Москву. Здесь к Александре возвращаются воспоминания о мужчине, который был самой большой ее любовью и самым горьким разочарованием. Она узнает, что возлюбленный уехал из страны, и посылает на его адрес весточку, понятную только ему одному. Дмитрий приезжает к ней, но стоило Александре увидеть его, как мгновенно вернулись боль, муки ревности, оскорбленной гордости. А еще страх и недоверие... Так стоит ли затевать что-то вновь? Не лучше ли расстаться, теперь уже навсегда?..

© Соловьева А., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Пролог	5
I	5
II	12
III	18
Глава 1	23
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анастасия Соловьева

Не дай ему уйти

Для зебры-самки высшая красота ее самца заключается в его полосатости.

Richet. De l'amur

Случай из жизни аистов. Парочка аистов несколько лет гнездовалась на одном и том же месте в деревне близ Soletta. Однажды жители заметили, что, когда самец находился на охоте, к самке подлетал другой, более молодой самец и, видимо, начал за ней ухаживать. Самка вначале прогнала его, затем стала относиться к нему благосклонней и, наконец, позволила обладать ею. После этого любовники полетели туда, где старый самец охотился за лягушками, и заклевали его.

Figuier. Leseoiseaux

Пролог

I

– ...Пятницкий переулочек был до революции тупиковым – он упирался в здание церкви Параскевы Пятницы, стоявшее на месте станции метро «Новокузнецкая». От нее переулочек и получил свое название.

Церкви во имя Параскевы Пятницы ставились обычно вблизи торжищ, и здесь тоже располагался небольшой «ленивый» Торжок. Ленивыми лет триста – четыреста назад назывались рынки, на которых торговали с возов, а не в лавках и торговых рядах. И сама Пятницкая улица называлась одно время Ленивкой. Торжок, скорее всего, образовался при въезде в город, на свободном месте перед застроенной территорией. Сегодня своеобразным отголоском давно прошедших времен стал Пятницкий рынок, для которого не так давно построили современное торговое здание по проекту архитектурной мастерской Казаковой. – Саша сделала короткую паузу, незаметно окинула взглядом слушателей и поехала дальше: – Что касается церкви Параскевы Пятницы, первое упоминание о ней появляется в московских документах около 1564 года в связи с пожаром. Каменное здание церкви, построенное в 1739 – 1744 годах на средства купцов братьев Журавлевых, стало выдающимся произведением архитектуры барокко. Как писал в прошлом веке автор книги «Седая старина Москвы» Кондратьев, «архитектура храма величественна, внутри храм отличается своим благолепием, иконостас хорош, многие образа украшены богатыми ризами... В храме чудотворная икона великомученицы Параскевы, которая бывает носима в Кремлевских ходах».

Входом на церковную территорию служила высокая, массивная, стоящая отдельно колокольня. В ней над воротами находилась небольшая церковь во имя Ильи Пророка. До наших дней сохранился барочный резной иконостас надвратного храма. В 1934 году, когда церковь ломали, он был перенесен в Троице-Сергиеву лавру и установлен в церкви Смоленской Божьей Матери, построенной тем же архитектором, что и надвратный храм Ильи Пророка, – Дмитрием Васильевичем Ухтомским.

Через десять лет на месте снесенной церкви выстроили неудобный и тесный вестибюль станции метро «Новокузнецкая». Павильон станции метро стоит на красной линии заду-

манного в тридцатые годы нового широкого бульвара – завершения Бульварного кольца в Замоскворечье. Станция метро «Новокузнецкая» встретила первых пассажиров 20 ноября 1943 года. Ее здание было спроектировано известными архитекторами Гельфрейхом и Рогожиным. Зал станции украшен барельефами, посвященными Великой Отечественной войне, а на потолке можно видеть роскошные мозаичные картины, выполненные такими художниками, как Штамм, Дейнека и другие. Под каждой мозаикой поставлен высокий торшер, освещающий картину.

От станции метро «Новокузнецкая» мы начнем нашу экскурсию, посвященную достопримечательностям Замоскворечья. Протяженность маршрута четыре километра, продолжительность экскурсии три часа. Приглашаю вас следовать за мной.

Саша еще раз оглядела своих подопечных, еще раз, теперь уже взглядом, пригласила следовать за ней. Влекомые достопримечательностями столицы, экскурсанты преодолели расстояние в тысячи километров – приехали в Москву с самого Южного Урала – и теперь послушно шагали за Сашей по Пятницкой улице. На Южном Урале в середине марта по-прежнему лютует зима, а московские улицы оглашаются звуками вешней капли. Москвичи с готовностью сбрасывают зимнее, поэтому экскурсанты в своих темных, тяжелых одеждах выглядят на два порядка провинциальнее.

Но не провинциальный облик заставлял Сашу пристально вглядываться в лица гостей столицы. Саша ждала. Они должны были появиться снова. Они не могут забыть о ней, просто так оставить в покое. Они придут рано или поздно. Весь вопрос в том, когда и откуда, с какой стороны нужно ждать их появления. Совсем не исключено, что среди несуразных, не по сезону наряженных экскурсантов обнаружится их посланец.

– Дом номер 18 по Пятницкой улице – городская усадьба эпохи московского ампира, образец типовой застройки после пожара 1812 года. Отделкой фасада занимался главный архитектор города Осип Иванович Бове. Первый этаж дома играет роль цоколя, на котором возвышается портик из шести полуколонн. Обратите внимание на лепные украшения на фронтоне и на стенах между вторым и третьим этажами: они свободно продавались на рынках. Не только украшения, даже дома в разобранном виде и их отдельные части москвичи могли в то время приобрести на рынках.

В начале XX века во втором этаже этого дома жил протоиерей Иоанн Восторгов, известный противосектантский миссионер, убежденный монархист, член Союза русского народа. С 1913 года Восторгов стал настоятелем храма Василия Блаженного.

Отец Иоанн был решительным противником революций. Однако в феврале 1917 года призвал прихожан поддержать Временное правительство, так как сам государь считал его законным. Против большевистского режима Восторгов высказывался однозначно и резко, в проповедях и беседах готовил народ к тяжелым испытаниям. 22 мая 1918 года на Красной площади в присутствии патриарха Тихона отец Иоанн призвал москвичей не бояться насильников и защищать веру. 31 мая 1918 года он был арестован в своей квартире на Пятницкой, а 5 сентября 1918 года расстрелян на Братском кладбище недалеко от современной станции «Сокол». Вместе с ним погибли епископ Селегинский Ефрем, бывшие министры внутренних дел Маклаков и Хвостов, последний председатель Государственного совета Щегловитов, сенатор Белецкий.

Договорив, Саша опять бросила в сторону туристов привычный неуловимый взгляд. Бегло, ни в кого не вглядываясь подолгу, старалась определить сущность каждого из стоящих перед ней. Кто может оказаться опасным? Худощавый молодой человек, почти мальчик, в тяжелой шапке-ушанке из собачьего меха?.. Тонкие губы, бледное лицо, светлые волосы и почти бесцветные, водянистые глаза. Ужас: оживший фоторобот маньяка-убийцы.

Или вот эта пожилая интеллигентная пара. Почему же нет? Да они вообще ни о чем не догадываются! Их просто попросили передать... Воспользуйтесь, дескать, услугами турфирмы

«Дух праздника», там, кстати, экскурсоводом служит такая-то, так вот скажите ей... Пожилые интеллигенты слушают внимательно, с любопытством смотрят по сторонам. Некто могущественный оплатил их вояж в Москву, дал возможность прикоснуться к истории и культуре, почему же не выполнить совсем пустяковую просьбу и не потолковать с сотрудницей туркомпании по душам...

А та грузная блондинка в темно-зеленом кожаном пальто с отороченным зеленым мехом капюшоном? Из-под песочного картуза выглядывает желтый кучерявый чубчик, а макияж – память о молодости, пришедшейся на бесприютные семидесятые: зеленые веки, толстые контуры вокруг глаз, морковная помада. Женщина-светофор. Неужели таким нарочито тревожным окажется лицо Сашиной персональной беды?.. Вряд ли... Слишком в лоб – так бывает редко.

Тетке, скорее всего, захотелось собственными глазами увидеть столицу. Людей посмотреть и себя показать. Даже себя показать – главным образом. Проведя полжизни в Губернском городе, Саша знавала многих таких дамочек. В родном краю они кое-чего достигли – ну и соответственно почувствовали себя интересными личностями. Торговлю, допустим, собственную открыли, денег заработали. На заработанные деньги приоделись в кожу, прикупили французскую тушь, голову впервые за сорок семь лет покрасили не перед зеркалом в требующей ремонта ванной, а в самом дорогом в городе салоне-парикмахерской. Завистницы подруги ахнули, конечно... Только в Москве этим никого не удивишь. Приходится теперь бедняжке за свои кровные денежки слоняться по грязным московским улицам, скучать, зевая, слушать про сто лет ненужный ампир... Одно хорошо – вечером туристов с Южного Урала ожидает ужин в московском трактире-ресторане. Полное погружение в атмосферу города рубежа XIX и XX веков – все как и обещано в рекламном проспекте турфирмы «Дух праздника». Тетка вытащит из чемодана специально припасенные на этот случай наряды и действительно почувствует праздник...

Слава богу, в Сашины обязанности не входит сопровождение туристов по ресторанам. Ее стихия город. Архитектурные стили, взорванные храмы, рухнувшие человеческие судьбы. Она заметила: про рухнувшие слушают с большим интересом и даже вопросы задают иногда:

– А что сделали с семьей погибшего?.. Выслали? А имущество отобрали?

Саша хорошо понимает, что вопросы задаются не просто так. На фоне чужих катастроф собственная жизнь не выглядит такой безнадежной.

– И имущество отобрали. – Она бесстрашно смотрит в глаза интересующимся.

Знали бы вы, что это такое! Что скрывается за этой фразой, удовлетворяющей ваше пустое, праздное любопытство! В считанные дни, даже часы, ваше имущество объявляется не вашим, ваш дом – чужим, ваши личные вещи – общенародным достоянием. Она, Саша, все это почувствовала на собственной шкуре. И нельзя сказать, чтобы она была наивной девочкой, ни к чему не готовой, ничего не подозревающей. Задолго до трагедии у нее мелькали всякие мысли, закрадывались разные подозрения. А когда все случилось – показалось: внезапно. В доме, который она привыкла считать своим, незнакомые властные люди указали ей на дверь. Пришлось подчиниться. Это было даже в ее интересах: исчезнуть как можно скорее и незаметнее. А главное, не с пустыми руками. Да с какой же стати она подарит им то, что потом и кровью наживал ее муж – бедный Стас?! Что там потом и кровью – жизнью! И она... она тоже имела к этому имуществу самое непосредственное отношение. Она трудилась наравне с мужем, и так же, по замыслу этих темных, коварных личностей, должна была отправиться на тот свет...

– А этот дом по Голиковскому переулку построен в 1927 году архитектором Гурженко для акционерного общества «Домострой». Это редкий пример частного строительства двадцатых годов XX века. Дом был предназначен для жилья состоятельных москвичей, поверивших в серьезность и длительность НЭПа. Стиль дома можно определить как вариант советского конструктивизма... Но уже в 1929 году в доме началось уплотнение. Законные владельцы

квартир вынуждены были уступить жилплощадь ответственным работникам НКВД и Наркомтяжпрома. А некоторым из них вскоре пришлось покинуть Москву по не зависящим от них обстоятельствам...

...Ей, наоборот, пришлось в Москву возвращаться. Точнее, срочно покупать билет на поезд Губернский город – Москва, а дальше – заматывать следы. Вещи Саша оставила в камере хранения на вокзале. Доехала до другого вокзала, там пересела на электричку и ближе к вечеру добралась до дачи Жанны Григорьевны – старинной подруги ее покойной мамы.

Для начала надо было все объяснить, но тут вдруг выяснилось, что говорить Саша не может. По крайней мере говорить вразумительно. Говорила Ольга, Сашина пятнадцатилетняя дочь, а Саша только кивала, время от времени подавляя спазматические рыдания. Ольга сухо, не вдаваясь в подробности, сообщила главное. Их выставили из мэрской резиденции. Кое-что удалось спасти, но эти люди – эти иезуиты (допотопное слово в устах дочери как-то необъяснимо подействовало на Сашу) – в покое их не оставят. Нужно где-то отсидеться, спрятаться, переждать.

Жанна Григорьевна слушала с застывшими от ужаса глазами. Этого ей только на старости лет не хватало! Однако помочь она не отказалась. Наверное, в память о Сашиной матери и их долгой старинной дружбе.

– Если бы после смерти мамы ты сохранила московскую квартиру... – беспомощно развела руками Жанна Григорьевна.

– Вы в своем уме? – нехорошо усмехнулась Ольга, так что Саше пришлось изо всех сил дернуть дочь за руку. Как ты, мол, разговариваешь! Сказать что-то членораздельное у нее по-прежнему не получалось. – В этой квартире нас бы засекли через двадцать четыре часа. И даже раньше! – бушевала Ольга. – Нам нужно ну такое... неожиданное место.

Погадав, решили, что неожиданным местом может стать садоводческое товарищество «Долгие пруды», где мужу племянницы Жанны Григорьевны принадлежал домик с участком. Племянница с мужем жили и работали в Москве, а отпуск проводили за границей. Сдать дачу порядочным людям было их давней голубой мечтой. И Жанна Григорьевна поспособствовала ее осуществлению.

Наутро муж племянницы доставил Сашу и Олю в «Долгие пруды» на машине, взял деньги за два месяца и остался чрезвычайно доволен. Зато для них началась новая полоса кошмаров. В доме без конца ломалось электричество, по участку, заросшему крапивой, передвигаться можно было только бочком, а предприимчивый сторож, он же председатель садоводческого кооператива, на следующий день потребовал на проверку их паспорта. Увидев, что у них нет московской прописки и регистрации, сторож запросил с них пятьдесят баксов. Его аппетиты быстро росли, и это переполняло чашу их терпения.

Саша с Олей перебрались в Лобню. В этом небольшом подмосковном городе жила еще одна подруга Сашиной мамы – Юлия Арсеньевна, тоже согласившаяся принять участие в их судьбе.

Сняли квартиру. Через неделю явился участковый. Оказывается, квартира сдавалась уже несколько лет, и по негласной доброй традиции – гражданам, не имеющим прописки и регистрации. Участковый на этом деле сколотил состояние.

Не то чтобы Сашу раздражали финансовые амбиции милиционера, просто она вообще теперь панически боялась милиции. Из квартиры пришлось уехать, временно поселиться у Юлии Арсеньевны. Но и это тоже была не жизнь, потому что на новом месте иезуиты вычислить их могли элементарно.

– Зря мы уехали из Города, – мрачно заметила Ольга.

– А как же?... – не поняла Саша. – А как? Если бы не уехали, они бы нас...

– Да пусть подавятся своими погаными деньгами! Лучше без денег, но спокойно.

Саша многократно потом вспоминала слова дочери. Особенно часто – оказавшись на койке Лобненской городской больницы, куда она вскоре угодила с диагнозом: беременность двадцать недель, угроза выкидыша.

В больнице с ней долго не желали разговаривать. Дело в том, что страхового полиса Саша не имела, да и прописана была в далекой Губернии. Последнее слово, как обычно, сказали деньги – хрустящие бумажки с радужными картинками северного русского города. Саше была оказана квалифицированная медицинская помощь. Смотревший ее врач заметил равнодушно, что шансов сохранить ребенка у Саши мало, практически совсем нет. Она пыталась спорить, настаивать, автоматически совать деньги, плакать. Ничего не помогло.

– Нельзя! – уговаривала ее пожилая акушерка. – Теперь мы отвечаем за вашу жизнь. Не плачьте, у вас еще будут детки.

Но Саша, уже не сдерживая спазматических рыданий, зачем-то стала рассказывать акушерке, что ее муж погиб и ребенок – последнее, что осталось после него.

– Тем более хорошо, – обрадовалась старушка. – Нужно больно – нищету разводить... и безотцовщину, – пробормотала она, подумав. – А так все само собой получилось... Тихо и без греха.

Всю ночь, не смыкая глаз, Саша думала о том, как сложилась бы ее судьба, останься она в городе. Надо было не о себе беспокоиться, тем более не о деньгах... Нужно было спасать ребенка – последнюю память о Стасе. Он так мечтал о сыне... Выходит, пустившись в бега, она предала Стаса. Конечно, предала не сознательно, она вообще ничего не соображала, у нее был шок. Но чувство вины обжигало и мучило, и никакой шок оправданием не казался.

Утром ее покатали в операционную...

– ...На красной линии гипотетического бульварного кольца находится еще одно интересное здание. Дом, расположенный на углу Климентовского переулка и Ордынки, вы видите его слева по ходу движения. Дом перестроен в 1885 году специально для Мариинского женского епархиального училища, а прежде в нем располагалась иконописная школа. Вновь открытое учебное заведение предназначалось для девочек из семей духовного сословия. Выпускницы получали право работать домашними учительницами. Принимали сюда с десяти – двенадцати лет, обучение было платным. С приходящих учениц духовного сословия брали пятьдесят рублей в год, с других – семьдесят рублей. Полный пансион для девиц духовного сословия стоил сто три рубля, для остальных двести семьдесят пять рублей. После октября 1917 года училище было закрыто – зачем трудовому народу нужны домашние учительницы из духовного сословия? В здании открыли Институт красной профессуры, где готовили красных вождей для будущей мировой революции. По принципу: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Но во время Великой Чистки тридцатых годов большинство красных вождей перестреляли вместе с их профессорами, называя их бешеными собаками, а институт закрыли. Высшие кадры партии правительства СССР шлифовали теперь в новом учреждении, которое было строжайше засекречено и о котором на московских верхах ходили самые невероятные слухи.

Официально это учреждение называлось Институт высшей социологии при Академии наук СССР. Но лекции там читали профессора из засекреченного Научно-исследовательского института НИИ-13 и генералы из еще более засекреченного 13-го отдела КГБ. Подробнее об этом можно прочитать у культового писателя Григория Климова...

...А может, все-таки они правильно сделали, что сбежали?.. А то бы их тоже – как бешеных собак... как солдат мировой революции, как красную профессуру... И ее, и Ольгу... Господи, за что?! А тех за что? Просто это в традициях государства.

Покинув город вовремя, они все-таки оставили себе шанс. Шанс выжить, пусть даже один из тысячи.

В лобненской больнице Саше было почти безразлично, выживет она или нет. Приходила Ольга. Приносила пакеты с фруктами, банки с самодельными соками. Был уже октябрь, но девочка не могла поступить в школу. Конспирация. Тайна. Подполье.

– У меня другая фамилия, – напоминала дочь. – Ни к тебе, ни к Стасу она отношения не имеет.

– Как будто они не знают твоей фамилии!

– Но мы же не сможем так всю жизнь прятаться!

– Надо потерпеть, Оля.

– Да надоело мне это. Лучше я работать пойду!

Обеспокоенная Ольгиными настроениями, Саша поторопилась выписаться из больницы, но все равно опоздала. Потому что Юлия Арсеньевна и Жанна Григорьевна все это время тоже не дремали, а даже наоборот – действовали. Каждый, понятное дело, действует в меру своего разума. А какое, скажите на милость, разумение может быть у двух уже немолодых женщин, скоротавших жизнь в безмятежные застойные времена в неизвестно что исследовавших НИИ и непонятно чем управляющих министерствах?

Тетки рассудили, что Саше нужна какая-то жилплощадь. Но хорошую квартиру в Москве покупать дорого, а селиться на окраине, в спальном районе – такая тоска! Саша как-никак на Чистых прудах родилась и выросла. Зачем же ей в Бирюлево или в Чертаново забираться? Лучше пока купить комнату в коммуналке. Благо Сашины финансовые возможности совершить такую покупку позволяют. А жилье в Москве дорожает ежеминутно, так что комната помимо всего прочего – еще и выгодное помещение капитала.

От своей идеи тетки были в полном восторге и посоветоваться с Сашей как-то не удосужились.

Коммуналку они выбрали перспективную, такую, чтобы в случае чего легко было расселить. А комнату приобрели на свое имя, напополам. Если, не дай бог, что случится с Юлией Арсеньевной, наследство останется Жанне Григорьевне, а если с Жанной, комната отойдет Юле. Они уже и с соседями познакомились. Представились сестрами и сказали, что жить в комнате будет их племянница с дочкой.

Они так радостно улыбались, уверенные, что сделали Саше настоящий сюрприз. Она тоже улыбалась и благодарила. А что еще оставалось делать в ее положении?

Всю прелесть сюрприза Саша прочувствовала в первый месяц своего пребывания в Старосадском переулке, в квартире четырнадцать на третьем этаже. Жить в коммуналке – все равно что жить в квартире без дверей или по крайней мере без замков. К соседям приходят гости, заглядывают знакомые, старичок Леонид Михайлович спускается за газетой, кричит жене:

– Я мигом, дверь не запирай!

Саша боялась распахнутых дверей, звонков – телефонных и дверных, шорохов и скрипов, громких криков на улице и в подъезде и даже воя автомобильной сигнализации. Она была испуганной и потерянной, а соседи считали ее нелюдистой и угрюмой. Появление железной двери в Сашиной комнате они тем более восприняли как оскорбительную причуду. «Думает, мы собираемся ее обворовать?! Больно надо».

Дверь, как ни странно, подействовала на Сашу успокоительно. Из комнаты она старалась без особой нужды не выходить: только в туалет да воды набрать – попить чаю. По телефону ей не звонили, а мыться вообще удобней глубокой ночью. Соседей это, кстати, тоже очень устраивает.

После Нового года Ольга пошла учиться. Школу нашла какую-то левую, типа вечерней, но не совсем. Школа-экстернат. Удобно: ходишь туда три раза в неделю, за год заканчиваешь два класса. И шансы засветиться опять же минимальные.

Саша всякий раз обмирала, отпуская дочь на «Войковскую». Ольга даже сердилась, но, чтобы не беспокоить мать, домой возвращалась строго к назначенному часу, оживленная, румяная. Ольга раскладывала на столе учебники, делилась школьными новостями. И однажды как бы невзначай рассказала, что мама ее школьной подруги Ани Яковлевой – владелица тур-фирмы «Дух праздника» – ищет внештатного экскурсовода. Фирма осваивает новое направление – экскурсии по Москве. Пойдет дело или нет – еще неизвестно, поэтому сотрудник нужен внештатный, чтобы в случае неудачи фирма не связывала себя обязательствами.

Так Саша стала внештатным экскурсоводом туристической компании «Дух праздника». Подпольное существование понемногу уходило в прошлое. Теперь, как все нормальные люди, она выходила по утрам из дома, торопливо шла по улицам, боясь опоздать на работу.

Проводить экскурсии оказалось совсем нетрудно. Прежде чем стать женой мэра Губернского города, Саша работала журналисткой, часто писала о Москве и поэтому знала много, в том числе и много необычного. К тому же она была москвичкой бог знает в каком поколении – этого тоже не сбросишь со счетов.

Страх постепенно отступал, уходил в небытие, но от первых конспиративных московских месяцев осталась привычка к бдительности и осторожности. А еще была память. Воспоминания не оставляли ее в покое, мешали окончательно вернуться к естественной жизни, не давали зажить сегодняшним днем.

II

Почти год прошел с того кошмарного утра, но события до самых мельчайших подробностей стояли у Саши перед глазами. Почти год – а шлейф катастрофы, происшедшей тогда, до сих пор неотступно тянулся за ней, напоминая, вороша и вороша воспоминания и не давая ни на секунду забыть.

В то утро, сейчас Саша это явственно осознала, что-то напряженно мрачное, гнетущее было растворено в самом воздухе, прозрачном, солнечном, августовском. И самое ужасное было то, что он, ее муж, Стас, это прекрасно понимал и, скорее всего, даже знал, что все произойдет именно так и никак иначе.

Прошло уже много месяцев, а воспоминания по-прежнему давили, гипнотизировали, лишали всякой возможности думать о чем-нибудь другом. Господи, ведь так можно сойти с ума, окончательно чокнуться. Перед ней прокручивалась одна и та же кинолента, с начала и до конца, делая стоп-кадры, принуждая вдумываться, всматриваться в выбранные эпизоды.

Саша проснулась очень рано, но Стаса в спальне уже не было. Из сада слышался его бодрый веселый голос. Он хохмил и беззаботно смеялся. С кем это он там? Саша приподнялась на локте, посмотрела в широкое окно и увидела безлюдную террасу, белые столы и стулья под полосатыми бело-синими зонтами, мокрыми от утренней росы. А дальше – прямую аллею с фонтанчиком в конце, почти точной копией знаменитого брюссельского писающего мальчика. Все было пусто.

Саша откинула одеяло, встала с постели, босиком подошла к раскрытой балконной двери. И увидела Стаса. Он сидел под липой прямо на траве, скрестив ноги по-турецки, и разговаривал по радиотелефону. Был он одет еще не празднично – в «бермуды» и майку. А волосы мокрые, небрежно зачесаны назад, значит, успел уже искупаться в бассейне. Стас тоже заметил Сашу – обрадовался, заулыбался ей, изобразил комическое удивление, поднял руку с двумя расставленными пальцами – все о'кей и мы победили. Как ровно два года назад, когда он стал мэром. А в глазах тоска, обреченность. Он все знал наперед. Теперь она это, наконец, поняла.

Саша улыбнулась и тоже махнула ему рукой. Сегодня – 17 августа – в Губернском городе праздник. День вступления Стаса на пост мэра.

... Кажется, они одни в этой громадной загородной мэрской резиденции. Но это иллюзия. Дом полон прислуги и охраны. Тем более сегодня. Хорошая прислуга тем и хороша, что ее не видно. Она не мозолит глаза, ее будто бы вовсе нет.

Саша отошла от окна и опять легла в постель. Было еще совсем рано. Попыталась уснуть, но куда там... Солнце наполнило уже всю спальню, играло на тяжелой позолоте и отражалось в белой лакированной мебели. Из сада сквозь раскрытые окна прямо тянуло цветами. Запах приторный, тяжелый и тягучий. Он шел от двух прямоугольных цветников, тянувшихся вдоль аллеи. Там было много всякой всячины, посаженной плотно и густо. Но почему-то казалось, что убийственный аромат источали диковинные растения, напоминающие цветную капусту с лиловыми лопухообразными листьями. «Я же просила убрать эти цветы! – Саша вдруг разозлилась. – Ведь нечем же дышать! А теперь вот голова болит!» Как будто в их давящем запахе все дело. Нужно самой пойти и выкосить их к чертовой бабушке!

Саша закрыла глаза и попыталась успокоиться. Но тут скрипнула дверь, и в спальню проникла Оля.

– Мам, ты уже не спишь?

Она была заспанная, неумытая и взлохмаченная, в одной коротенькой ночной рубашке, насквозь просвечивающей на солнце. Саша не ответила, прикинулась спящей. Ей не хотелось говорить, она еще злилась на цветы, на садовников, а вместе с ними на Стаса, который не хотел обижать садовников и выдирать цветы, а заодно на дочь.

– Мам... – не унималась дочь, – я видела, как Стас тебе махал рукой. Значит, ты уже вставала.

Оля легла поверх одеяла рядом с матерью на место Стаса, взяла с тумбочки Стасов «Парламент» и не спеша закурила.

– Мам, тебе не стыдно обманывать? – Оля зевнула и выдула дым в солнечный луч, где он за клубился. – Я же чувствую, что ты не спишь. И веки у тебя дрожат.

– А тебе не стыдно дефилировать через весь дом в таком виде?! – взорвалась Саша и открыла глаза. – Полно же людей вокруг.

– Людей? – холодно переспросила дочь. – Было бы кого стесняться.

«Быстро она освоилась с положением дочери мэра, – с досадой подумала Саша. – Аристократка!»

– По-твоему, все они не люди? Так?

– Ну нет, конечно, – нехорошо улыбнулась дочь. – Но прислуги не принято стесняться. Ее просто не замечаешь.

– Откуда у тебя это? Оля? – Саша села на кровать. – Кто тебе это внушил, а?

– Ты со Стасом, – безразлично откликнулась Ольга, наблюдая клубящийся под солнцем табачный дым. – Вы вообще голышом купаетесь или...

– Хватит! Тебе пятнадцать лет, и ты много на себя берешь! Иди к себе и одевайся. Сейчас начнут съезжаться гости.

– Уже съезжаются. Лебезят в гостиной.

– Кто?

– Лысый первый приехал.

– Один?

– С женой-хрю-хрюней и с сынком-пидором.

– Оля! – крикнула Саша. – Ты совсем уже обалдела. Просто обалдела.

– А что? – удивилась дочь. – Он мне сам в этом признался.

– В чем признался?! Что он...

– Вот именно. Сказал, что он гей. И дамское общество его мало колышет.

– Ну хватит. Еще кто?

– Кирпич.

– Он тоже лебезит в гостиной?

– Нет. Ему Стас дал свой велосипед, и он поехал кататься по окрестностям.

Когда Ольга, наконец, докурила сигарету и нехотя удалилась, Саша спрыгнула с постели и встала под душ. Но голова не проходила. Она вернулась в спальню и срочно вызвала массажистку.

Массажистка явилась не сразу. Заспанная, опухшая, еле-еле поздоровавшись, она осоловелыми глазками-щелками обвела барские хоромы. Саша, ни слова не говоря, скинула халат и легла на живот.

«Скажите пожалуйста, – раздражаясь, думала она. – Люди совсем рехнулись. А Ольга права. Если с ними по-человечески – они готовы и на шею сесть. Еще немного – и она начнет права качать, что ее разбудили. Такие деньги получает! Нет, надо срочно найти ей замену».

Саша неподвижно лежала ничком, неприязненно ощущая на своей шее и затылке пальцы массажистки. Та работала молча, как в казенной парикмахерской.

Боль отступила, но не отступило Шашино раздражение. Теперь-то она понимает, что все это раздражение со злобой были вызваны не массажисткой, не цветами и беременностью, а их со Стасом фальшивым положением в Губернском городе. Стас не мэр. И никогда им не был. Он был кем угодно – ширмой, мальчиком для битья, муляжом, куклой... А она, Саша, – «дражайшей супругой» этой самой куклы. О! Какая же она была наивная дуреха, полагала, что жена мэра может как-то повлиять, что-то предпринять... Тьфу и трижды тьфу на все это!

Массажистка ушла. Не меняя позы и не одеваясь, Саша подняла с ковра журнал и принялась его листать.

В спальне вновь появилась Ольга. Она была уже умыта, причесана, но одета как на пляж – в коротенькие шорты и пестрый малюсенький топик. Ольга критически оглядела фигуру матери, легла рядом тоже на живот, опять закурила «Парламент».

– А подожди, не листай. – Она положила руку с сигаретой на журнал. – Что за тест, мам?

– Тебя не касается, – хмыкнула Саша, осторожно вынула из ее руки сигарету и глубоко затянулась. – Тест на «биологический возраст ваших отношений».

– А ну-ка, почитай. – Ольга взяла назад свою сигарету и перевернулась на спину, собираясь внимательно слушать.

– Первое. Какое воспоминание ты хранишь о дне вашего знакомства? А) Никакого, была сильно пьяна. Б) Я сразу поняла, что это он. В) По моему телу побежали мурашки. Г) Я заказала на ужин лосося.

– А, – сказала дочь, – хотя я была пьяна не так сильно. А ты, мам, что ответишь? Конечно, В?

– Нет. Мне тут ничего не подходит.

– Читай дальше.

– Никудышный тест.

– Читай-читай.

– Где ты в последний раз занималась с ним любовью? А) Под душем сегодня утром. Б) В гостиной с друзьями, как каждую пятницу. В) В кровати месяц назад. Г) В поезде в прошлом году.

– У меня опять А, – невозмутимо сказала Ольга. – А у тебя?

Саша перечитала графу под номером А и изумленно посмотрела на дочь:

– Сегодня? Под душем? Оля, с кем?

– Чему ж тут удивляться? – Дочь пожала плечами. – Ты ведь сама говорила, что народу полон дом... Мам, ты шуток совсем не понимаешь.

– Так больше не шути. Пошутила? – облегченно выдохнула Саша. – Следующее. Рядом с ним ты чувствуешь себя: А) Женщиной. Б) Самкой. В) Матерью. Г) Экономкой.

В спальню ворвался Стас. Под мышкой он держал букет роз, у уха – радиотелефон.

– Ого! Мне отвернуться? Ах-ха! Это я не вам.

– Отвернуться, – бросила ему Ольга и скосилась на мать. – Конечно же выбираем В.

А это уже камень в их со Стасом огород. Тонкий намек на то, что Саша на три с половиной года старше Стаса. Нет, Ольга стала просто невыносимой. Саша в сердцах захлопнула журнал. Стас и в самом деле отвернулся. Остановившись у окна, он торопливо договаривал, глядя в сад.

Ольга взяла журнал и раскрыла его в середине.

– Смотри-ка, – сладко зевнула она. – «Брючный костюм в сочетании с блузой мужского покроя – это явный признак неуверенности в себе, замкнутости и одиночества». Мам, тебе одиноко?

– Мне так одеваться положено по статусу. Вообще, это не мой стиль.

Они перекрикивали энергичный Стасов монолог, перемежающийся смехом.

– «Тщательно продуманный гардероб и особенно множество аксессуаров дают нам возможность разглядеть в человеке натуру неуверенную, находящуюся к тому же не в своей тарелке»... Тебе плохо с нами, мам? Ах, вот... А можно потише?! – крикнула она Стасу.

Стас кивнул не оборачиваясь и вышел на веранду.

– Вот как раз. Слушай. «Шляпа выдает закомплексованного мужчину, не избавившегося от инфантильного желания казаться тем, кем он не является. Об этом же факте даже не говорит, а просто кричит кожаное пальто, а также чересчур трендовые вещи в мужском гардеробе»!

Ольга испытующе поглядела на мать. Да, Стас любит кожаные пальто. Их у него несколько штук. А этой весной он стал носить и шляпу.

– Ерунда все это. Чушь собачья! – Саша выхватила у дочери журнал и швырнула его на пол. – Я сама работала в таком же журнале и знаю, как это все сочиняется.

Стас говорил на террасе. Он был в светло-бежевом костюме, белоснежной рубашке с бабочкой. При его художавости, стремительных точных движениях, молниеносном осторожном взгляде – ни дать ни взять фокусник из цирка. А при его любви к рисовке мог бы еще и за шулера сойти.

Ольга хочет сказать, что у Стаса явно выраженный *tipo criminale* – преступный тип. На самом деле это далеко не так. Правда, доктор Оттоленги что-то писал об асимметрии носовых отверстий – ноздри у Стаса действительно разные, и будто бы такого рода асимметрия наблюдается весьма редко у нормальных людей, между тем как у преступников он находил ее в тридцати шести случаях из ста. Но ведь не в ста же из ста. Да, у Стаса несколько больше обычного развиты надбровные дуги и нижняя челюсть тяжеловата, квадратна и выдается вперед. Будто бы это есть признаки прирожденного преступника. А на самом деле это говорит о его сексуальности. Старый комедиант Ломброзо как нельзя лучше сам подходил под все свои критерии.

Но если быть честной, надо признать, что сестра Стаса была сумасшедшей и дважды пыталась покончить с собой, пока в возрасте двадцати лет не умерла от непонятной болезни. И отец его престранный человек, Стас об этом много рассказывал. Но признаков дурной наследственности и вырождения, свойственных преступникам, у Стаса нет. Ну разве что болезненная чувствительность к климатическому фактору и атмосферным колебаниям. Но так сейчас у многих. Это не в счет. Ольга утверждает, что форма Стасовой головы совершенно сходна с головой Игнатия Лойолы и с головой Сантьяго, итальянского анархиста, повешенного в XIX веке за какие-то зверства. Но Ольга лучше бы на себя посмотрела, а то получается по библейской поговорке: в своем глазу бревна не чует.

Вот допустим, Ольга шутит про сегодняшний секс под душем, а у Саши сердце замирает от неподдельного ужаса. Начать с того, что у нее косой череп. Сейчас, правда, это незаметно. А косой он из-за того, что, будучи младенцем, Оля по причине врожденной мышечной кривошеи всегда держала головку повернутой на одну сторону. А может быть, головка изначально была косой? Трудно сказать, только это серьезный признак вырождения. По наблюдениям того же Ломброзо, у сорока процентов преступниц косые черепа.

Зато лоб и нижняя челюсть у Ольги нормальные, хотя скулы немного выдающиеся. А выдающиеся скулы, по мнению Ломброзо, встречались в двадцати процентах случаев у преступниц и в сорока процентах у проституток. Опять же не сто из ста. Но за Ольгой все равно нужен глаз да глаз.

И последнее – татуировки. Сейчас они просто модны, делают их практически все. И наличие тату ни о чем не говорит. Но вот некий исследователь Берг установил еще до появления моды, что из восьмисот четырех проституток-датчанок оказалось семьсот девяносто шесть татуированных. Тогда как просто женщины-преступницы имели тату только в двух процентах. Неприятная статистика, если учесть болезненное стремление Ольги украшать подобным образом себя в самых интимных местах...

На террасе Стас энергично закивал – начал прощаться. Саша села на кровать и завернулась в халат. Закончив говорить, Стас вступил в спальню. Он отложил телефон на подоконник, вынул из-под мышки букет и грациозно двинулся к Саше. Он шел к ней против света, в ореоле сияния, изящно, немного, правда, галантерейно. Сейчас ему можно было дать от силы двадцать три года. Картинный красавчик, недаром многие девушки Губернского города сходили по нему с ума. Он подошел к сидящей Саше, осторожно положил ей на колени роскошный букет черный голландских роз, бережно взял ее лицо в свои большие теплые руки и поцеловал. Стас любил Сашу. Он тихо поцеловал ее вначале в левый глаз, потом в кончик носа, а уж потом в

раскрытые губы. Саша почувствовала, как страстно Стас захотел ее. Но в комнате рядом была Ольга. Саша и сама почувствовала к Стасу влечение. Она обвила рукой его шею. Теперь Стаса излучал невероятно возбуждающие флюиды.

В тишине августовского утра раздался какой-то далекий стрекот.

– Все! Слышите?! – Стас вдруг выпрямился и замер. – Летят уже...

Саша невольно прислушалась. Стрекотание нарастало, и вскоре низко над лесом показались три серебряных вертолета. Издали они выглядели полупрозрачными ядовитыми стрекозами.

– Это полицейские вертолеты Robinson-R44! – взбудораженно прокомментировал Стас, перекивая быстро нарастающий гул. – Пошли!

Стрекотание превратилось в ураганный вой. По саду побежали волны шквалистого ветра. Вертолеты, описав дугу над домом, приземлились сразу за садом на бетонной площадке.

– Летим! – Стас рванул к выходу из спальни. – Сашенька, ты с нами? Или на машине хочешь?

– Стас, но ты ведь знаешь... – Она запнулась. – Знаешь, что беременным нельзя летать. Его понимающий взгляд скользнул по Сашиной фигуре.

– Оль, пошли скорей. – Стас грустно поглядел на Сашу. – Саш, ты не тани. Тебе дольше ехать. Выходи уже. Ольга, в путь!

Ольга нерешительно поднялась с постели и затушила окурок.

– Мам, может, мне тоже с тобой? На машине?

– Как хочешь.

Саша вдруг вошла в ступор.

– Через двадцать минут будем на месте.

Ольга неуверенно двинулась с ним.

В семидесяти километрах отсюда, к западу, в заповедном краю, у Круглого озера, все было подготовлено для начала грандиозного праздника. Высокий берег озера превратили в ресторан с открытой эстрадой-ракушкой – на ней будут выступать лучшие артисты из Москвы. А само озеро на это время станет громадным бассейном, в котором пройдут соревнования по синхронному плаванию между лучшими коллективами страны и конкурс «Мисс Губернский город-99». Мэр прибудет на праздник по воздуху.

На бетонной площадке сразу за садом застыли в ряд три вертолета, сверкая тупыми стеклянными рылами. Вокруг них сновала охрана, особы, приближенные к мэру, и их семейства. Слышались возбужденные возгласы, крики и хохот. Из раскрытых кабин вертолетов звучало радио – летел веселый голос диктора под бравурную музыку. Саша стояла с краю, провожая мужа и дочь. Голос диктора был назойлив и особенно врезался в память:

«...В кабинетах знаменитого МУРа стартовал съемочный марафон телесериала «Каменская» по книгам Александры Марининой. Создатели фильма намерены отснять шестнадцать пятидесятидвухминутных серий, чтобы к концу года показать их на телеэкране.

Именно в МУРе служит главная героиня сериала майор Анастасия Каменская, которую играет популярная актриса Елена Яковлева. Почитательнице сигарет, кофе и мартини майору Каменской, известной по книгам своим аналитическим мышлением и даром предвидения, на сей раз на малом экране предстоит раскрывать сложнейшие преступления.

Генеральный директор НТВ-КИНО Владилен (сокращенно Владимир Ленин) Арсеньев сказал, что удалось собрать «удивительный актерский ансамбль», в котором Сергей Никоненко – у него это тринадцатая милицейская роль в кино, Дмитрий Нагиев, Сергей Гармаш, Андрей Ильин. В следующих фильмах сериала запланировано участие Вии Артмане, Валерия Приемыхова, Дмитрия Харатьяна и других кинозвезд...

Владимир Ленин-Арсеньев сообщил также, что «Каменская» – самый дорогой сериал на российском телевидении, однако назвать гонорары звезд отказался...

«Оказывается, можно изменить свое настроение, если поменять цвет белья или купальника. Белый цвет не влияет на настроение и подходит всем без исключения. Черное белье предпочитают дамы, склонные к самоуглублению. Этот цвет помогает преодолеть неуверенность. Женщины, носящие серое белье, зачастую украшенное блестящей отделкой, отличаются удивительной преданностью и верностью. Голубой поможет женщинам сломя голову нестись за мечтой. Женщины, которые предпочитают фиолетовый цвет белья, рассудительны, благоразумны, погружены в мир собственных ощущений. Правда, за внешней холодностью этих «спящих красавиц» чаще всего скрыты эмоциональность и чувственность...»

Около Саши вдруг появилась Ольга. Она затеребила мать за рукав, стараясь вывести из оцепенения.

– Я тоже не полечу. Не хочу. С тобой поеду на машине.

– Почему?

– Не хочу, – упрямо повторила она.

– Езжайте уже! – крикнул им Стас. – Время дорого.

Они закивали ему, не трогаясь с места.

«...Зеленый – цвет жизни, весны и природы – выбирают те, кто боится чужого влияния и отличается развитой интуицией. Оранжевый цвет любят фантазерки, с которыми всегда весело и интересно...»

«13 сентября прошлого года всемирно известный аргентинский нападающий Диего Марадона в очередной раз попал в газетные хроники скандалов. Причина тому – страшнейшая автомобильная авария, произошедшая с ним на Кубе. Диего, проходивший в то время курс лечения от наркотической зависимости, не сумел избежать лобового столкновения с туристическим автобусом...»

Кабинки вертолетов захлопнулись одна за другой, и голос диктора пропал. Закружились винты, взметая пыль. Саша отыскивала глазами Стаса. Он ей яростно жестикуюлировал, тыча пальцем в сторону стоянки, где парковался ее джип-лендровер, и крутя руками невидимую баранку, чтобы она срочно выезжала, без нее праздник он не откроет.

Винты вертолетов закружились быстрее. Воздух наполнился надсадным ревом. Саша с Ольгой инстинктивно попятились. Саша напоследок махнула Стасу, и его вертолет первым оторвался от земли.

Вертолеты, покачиваясь, точно балансируя, один за другим поднялись в воздух и взяли курс на Круглое озеро. Закрываясь ладонью от солнца, Саша следила за их полетом. Вертолет Стаса шел первым.

– Мам, поехали, что ль, и мы?

Они повернулись и неторопливо двинулись к машине. И тут в воздухе раздался злобный скрежет, точно заскребли металлом об металл. Саша и Оля одновременно обернулись. Первый вертолет, со Стасом, как-то странно дрожал и качал носом, словно судорожно глотал воздух. Саша обмерла, застыла, глядя на вертолет. Скрежет резко оборвался, стало страшно тихо. Вертолет со Стасом, нырнув, колом полетел к земле.

У Саши остановилось дыхание. Ей еще казалось, что это может быть какой-то трюк, сейчас вертолет вырулит, приземлится... Но он грохнулся на самом краю леса. С запозданием до них долетел звук падения – точно лопнул воздух.

Дальше Саша помнила плохо. Ей казалось, что все вокруг мгновенно потемнело, как перед грозой. Там, где упал вертолет, теперь пылал громадный костер. Саша кричала, глядя, как деревья вокруг этого страшного костра быстро чернеют и, словно нехотя, вспыхивают гигантскими факелами.

III

Дмитрий Загудаев сидел вечером в своей квартире в Амстердаме и смотрел телевизор. Тут же в комнате обреталась его жена Елена. Было уже поздно, а их четырнадцатилетняя дочь все не возвращалась домой. Где же она, наконец? Где ее носит?! Амстердам не такой город, в котором можно вот так просто сидеть и не переживать за ушедшего из дома подростка.

Страшный пример перед глазами – соседи. Тоже русские, живут здесь уже больше шести лет. Приличные люди, такие же, как и Дмитрий с Еленой, коммерсанты. А дочь их к своим пятнадцати годам сделалась такого блядского вида, что глядеть на нее невозможно без содрогания. Оно и понятно. В школах почти ничему не учат, все обучение проводится при помощи тестов: да или нет, верно или неверно. Уроков на дом не задают. Балдей не хочу.

– Зря мы сюда приехали, – высказал вслух свои сомнения Дмитрий.

Елена только грустно вздохнула.

– Надо было в Германию ехать, а не в этот отстойник, – продолжил Дмитрий, хотя понимал, что выбора у них не было. Здесь, в Амстердаме, жили их партнеры, с которыми был налажен какой-никакой бизнес. А в Германии – никаких зацепок!

В Москве у Дмитрия с Еленой была сеть мебельных магазинов. Незадолго до дефолта 1998 года Дмитрий открыл совместное предприятие с голландцами. Голландцы поставляли ему предметы интерьера в стиле хай-тек. Он уже начал было налаживать производство в том же стиле хай-тек у себя на родине, но дефолт перемешал все карты. СП задохнулось. Магазины стали убыточными. С остатками нерастраченного капитала Дмитрий с семьей уехал в Амстердам...

Дочери все не было. По телевизору крутили какой-то гнусный фильм с физиологическими подробностями как раз про девочек-подростков.

– Переключи, – поморщилась Елена.

Дмитрий щелкнул пультом. На экране появился кузнечик в траве крупным планом.

– Оставь, – попросила жена. – Я люблю про животных.

Кузнечик кого-то зверски пожирал. Голос за кадром объяснил:

«У самца ухвертки два пениса, каждый из которых по длине превышает саму ухвертку. Эти органы очень хрупкие и легко ломаются, вот почему насекомое рождается с запасным. Самка богомола начинает поедать самца еще во время спаривания или же закусывает им сразу после коитуса.

Самец осьминога оставляет свой половой орган в теле самки. Затем у него вырастает новый. Иногда рыбаки находят в телах самок такие «подарки»...

Противные слизняки могут показаться еще более противными, если узнать, как они размножаются. У этих существ присутствуют как мужские, так и женские гениталии. Когда два слизняка встречаются, каждый пытается откусить пенис другого. Тот, кому это удается, становится папой, а другой слизняк соответственно – мамой».

На экране кузнечика сменил русский соболя. Голос за кадром продолжал:

«Соболя способны сношаться восемь часов в режиме нон-стоп. А по числу эякуляций первое место занимает хомяк, у которого их бывает до пятидесяти в час. Самец кенгуру способен спариваться пять раз на дню. А у самца льва был зафиксирован рекорд: восемьдесят сношений за сутки!»

– Да уж... – протянула Елена. Она была эффектной брюнеткой с красивыми длинными глазами и неплохой фигурой. Но Дмитрий давно уже стал безразличен к жене, воспринимал ее как партнера по бизнесу. Сексуальной жизни у них не было почти никакой – время от времени и редко.

А телевизор продолжал травить Еленину душу:

«Самцы паука-няньки разработали собственную стратегию спаривания, аналогов которой нет в природе. Чтобы не быть съеденными агрессивной самкой, которая гораздо крупнее их, они сначала приносят своей избраннице «дар любви», например мертвое насекомое. Вручив подарок, самцы незамедлительно притворяются мертвыми и падают у ее ног. Самка, перестав обращать внимание на незадачливых поклонников, погружает челюсти в принесенное насекомое. Пока она занята, самцы «оживают», заползают под нее и начинают спариваться».

Елена порывисто поднялась со своего места, виляющей походкой прошла перед телевизором и опустилась рядом с Дмитрием.

– Дим, – нежно начала она. – Мы много работаем, но мало отдыхаем.

– Разве? – удивился Дмитрий, не отрываясь от экрана. – Мы работаем не больше других. По-твоему, это много? В Москве мы вкалывали без выходных. И это было нормой. А тут у нас руки и ноги атрофируются. Мне кажется, пора возвращаться домой.

«Спаривание барсуков – это акт, который длится в среднем добрых девяносто минут. Причем самки барсуков предпочитают заниматься любовью в темноте».

– Я не о том... – Она погладила его колено. – Ты не понимаешь?

«...у божьих коровок существует оргазм, который длится полтора часа и может повторяться три раза подряд. Кроме того, божьи коровки страдают венерическими заболеваниями, и у них так же, как у людей, существует извращенный секс... Самец кенгуру способен спариваться пять раз на дню».

Дмитрий понял, в чем дело, переключил с мира животных на горячие новости, но было поздно.

– Ну?... Не понимаешь? Давай прямо тут... – верещала Елена ему в самое ухо.

В прихожей затрещал долгожданный звонок. Светлана вернулась!

Елена сорвалась и побежала открывать дочери дверь, а Дмитрий равнодушно глядел на громадный костер, догорающий на экране. Чадающий огонь со всех сторон поливали пожарные брандспойты. Вокруг чернели обугленные деревья – действие разворачивалось на краю леса.

«Еще один метеорит прилетел?» – удивленно подумал Дмитрий.

Костер и пожарные машины заслонил паренек с микрофоном и неожиданно сказал по-русски:

«...мэр Станислав Верхованцев и сопровождавшие его лица направлялись на традиционный городской праздник. По предварительным данным, на борту вертолета находилось четыре человека вместе с пилотом. Однако, как сообщили в МЧС, точное число попавших в катастрофу людей будет известно позднее. В результате катастрофы, помимо Станислава Верхованцева, погибли его помощник Петр Иванов и руководитель управления по туризму администрации города Яков Белозеров. Исполнение обязанностей погибшего мэра взял на себя его первый заместитель Иван Петров...»

Дмитрий медленно начал меняться в лице. Сквозь приятный легкий загар проступила полотняная бледность. Сердце забухало в горле. Дмитрия кинуло в озноб, он мгновенно замерз. Но тут же ему сделалось душно. На лбу и щеках появилась испарина. Все лицо пошло розовыми пятнами, которые быстро наливались киноварным цветом.

– Мэр Губернского города... – прошептал Дмитрий, пытаясь осмыслить только что увиденное. – Мэр Верхованцев погиб... Вертолет с ним упал. А раз он погиб, значит, его больше нет...

Он совершал глотательные движения, глядя сквозь экран, на котором уже горел нефтяной танкер у берегов Южной Африки.

Когда в комнату вернулись оживленная Елена и Светка, Дмитрий все сидел остолбенело с раскрытым ртом перед телевизором, транслировавшим уже репортаж с фестиваля детского рисунка.

– Папанчик, тебе нехорошо? – Дочь тревожно всмотрелась в остановившиеся глаза отца. – Тебя колбасит?

Дмитрий ее не услышал. Светлана перевела недоуменный взгляд на телевизор, в котором мелькали веселые детские каля-маля.

– Про насекомых насмотрелся наш папуля, – хитро улыбнулась Елена. – А он у нас такой. Как что увидит, тут же хочет повторить.

Дмитрий порывисто поднялся с дивана. Первым его желанием было сразу ехать в Губернский город. Он прошелся взад-вперед по комнате, судорожно потирая руки.

– Просто наш папочка сегодня очень-преочень устал, – лукаво засмеялась Елена, – и ему пора отдыхать. Пойдем, я тебе постелю и в постельку уложу... Пойдем.

Елена схватила его за руку мертвой хваткой и потянула в спальню.

– Сегодня утром... – хрипло произнес Дмитрий, откашливаясь и инстинктивно освобождая руку. – Сегодня утром мэр Губернского города разбился на вертолете. Летел на праздник. А вертолет упал. Сегодня там праздник был.

– Да? – безразлично переспросила Елена, продолжая тянуть Дмитрия в спальню и подавая украдкой от дочери красноречивые знаки глазами и ртом. – И что нам теперь делать, а?

– Верхованцев его фамилия.

– Верхованцев? Ах, ну да, – вспомнила Елена и немного ослабила нажим. – Ты ведь его знал, кажется.

Да, Дмитрий один раз имел с ним дело – пытался наладить производство хай-тековской мебели на комбинате в Губернском городе. Ему устроили встречу с мэром как с держателем контрольного пакета акций этого комбината. Мэр усомнился в рентабельности начинания и Дмитрию отказал.

– И тебе, папан, его так жалко? – не понимала Светлана.

– Не-а, – признался Дмитрий. Ему не было жалко Верхованцева. И даже наоборот.

– А чего тогда мы тут стоим?! – Елена усилила нажим. – Найдут нового мэра. Пойдем.

Елена увлекла его в спальню и с силой захлопнула дверь.

– А теперь скажи, как ты любишь меня, дорогой. – Она расстегивала его рубашку на груди. Ее глаза мутились. Покончив с рубашкой и вытащив ее из брюк, Елена сама молниеносно разделась догола и припала в зверском поцелуе к груди Дмитрия. Больно кусая его живот, она боролась теперь с тугим брючным ремнем. Глаза ее окончательно помутились. Елена только тихонько ухала и рычала. Она, как всегда в таких ситуациях, быстро лишалась дара речи. Если у нее сейчас спросить что-нибудь, даже самое простое, она ответить не сможет. Вместе с речью Елена теряла и способность мыслить. И поэтому не могла справиться с ремнем. Она не понимала, что он легко расстегивается, и пыталась его разорвать или просто стянуть брюки. Последнее ей наконец удалось. Навалившись на Дмитрия всей тяжестью, она опрокинула его на кровать и, царапая до крови длинными ногтями его бедра, стащила с него последнюю досадную помеху на пути к торжеству идеи, которая владеет всеми на свете, даже мерзкими слизняками.

Теперь Дмитрию стало свободно. Елена больше не замечала его странной задумчивости по поводу кончины мэра далекого Губернского городка. Она вообще не замечала и не думала ни о чем, тем более о существовании какого-то мэра.

Дмитрий лежал на спине, поглаживая Еленину шею и разметающиеся волосы, и осознавал невероятную новость, припоминая подробности катастрофы. «Зацепившись за провода ЛЭП, машина мэра замерла в воздухе, наматывая на хвостовой винт двенадцатимиллиметровый провод с напряжением двести двадцать киловольт... Сначала порвались провода, затем отломился хвост вертолета, а еще через мгновение и сам Robinson-R44, сопровождаемый снопами искр, камнем полетел вниз с тридцатиметровой высоты...»

Однако он уже не помнил о Верхованцеве. Дмитрий думал о его жене, Александре, ставшей теперь вдовой. Саша была единственной и неповторимой любовью Дмитрия Загудаева. Когда-то – было такое дело – Саша тоже его любила. Они знали друг друга с незапамятных времен. Но судьба их романтических отношений складывалась странно и переменчиво. Им никак не удавалось сойтись раз и навсегда. Все вдруг оказывалось против них. В самый последний момент обязательно возникала какая-нибудь помеха. А главной помехой стал мэр Губернского города Станислав Верхованцев.

...И началась-то их любовь тоже неясным, неуловимым образом. Старшеклассником Дмитрий прогуливал школу, блуждал по улицам и оказался в маленьком проходном скверике у метро «Кировская». Там-то он и встретил в первый раз неприметную девочку со скрипичным футляром. Это была Саша. Что-то сразу запало ему в ней. Лицо? Глаза? Потом он специально приходил в этот скверик в надежде встретить ее еще раз и понять, что в ней такого, почему его так к ней тянет. Он увидел ее. Но подойти постеснялся. А она, оказывается, этого так ждала...

Потом они потеряли друг друга на долгие годы. И вдруг во время событий октября девяносто третьего в толпе у Моссовета встретились снова. Саша первая узнала его... Времени у них было мало, они не успели даже обменяться телефонами. Саша только обмолвилась вскользь, что работает корреспонденткой в женском журнале *Bête noire*, и почти тотчас же им пришлось расстаться.

Он не искал ее, тем более не верил в возможность новой чудесной встречи... Но когда увидел за стеклом киоска обложку журнала *Bête noire*, понял вдруг, что все-таки верил... И она, о чудо, тоже верила. И эта их беспочвенная, по-детски наивная вера неожиданно-негаданно оказалась вознагражденной. Поистине – «будьте как дети».

Они и были... Совсем потеряли головы от фантастических обстоятельств, сопутствующих их встречам, и друг от друга. Как дети, поверили в возможность безмятежного будущего. Они поженились, поселятся в Москве на бульварах. И главное – на пути к мечте не было больше никаких преград. Это они тогда так думали, что не было.

Каждые два-три месяца из Губернского города Саша приезжала в Москву, и каждый раз они отправлялись смотреть квартиры. Квартиры попадались в основном плохие, неподходящие. Нашелся, правда, один стоящий вариант, но хозяева настаивали: нужно подождать. Ждали порознь: Саша у себя в Губернском городе, на Малой Дворянской (она жила в коммунальной квартире с дочкой-школьницей), а Дмитрий в Москве – бок о бок с законной женой Еленой. Оба верили – осталось недолго, вот купят квартиру и тогда... Но когда та их заветная квартира на Воронцовом Поле наконец-то освободилась, Дмитрий неожиданно оказался не при деньгах. Как на грех, всю наличность он вложил в только что открытое совместно с голландцами мебельное предприятие. К тому же связь между Москвой и Губернским городом была односторонней. По неписаным правилам Саша не смела компрометировать Дмитрия перед сотрудниками принадлежащей ему компании и тем более не должна была нарушать покоя его семьи. Дмитрий сам всегда звонил Саше. Но после истории с квартирой уже не звонил. Ждал, когда появятся деньги. Дождался, но оказалось поздно. Хозяева уже не захотели иметь с ним дело. Он начал искать другую квартиру. Нашел. Но пока искал, окончательно потерял из вида Сашу. В коммунальной квартире на Малой Дворянской к телефону теперь подходили незнакомые, с сильным южным акцентом люди и все время отвечали одно и то же:

– Ее нэт!

Саша исчезла.

Он ездил в Губернский город, метался по квартирам, паспортным столам. Тщетно... У нее на работе ему ответили: Саша уехала в Кострому. Но и в Костроме о Саше не было помина.

Он вернулся в Москву и стал жить, как жил до встречи с ней: магазины, мебель, семья, предприятие. Все бы ничего, если бы не Елена: она замучила его расспросами, гипотетическими диагнозами, советами, даже настояниями посетить врача.

«Мне надо не к врачу», – вертелось на языке у Дмитрия. Но он в ответ только пожимал плечами.

А через год история повторилась... Они опять встретились случайно, хотя (теперь уже точно!) ни он, ни она не искали встречи. Так, видно, было им суждено. Они встретились в доме мэра Губернского города, куда Дмитрия привели дела. За год Саша стала супругой мэра. У нее была безупречная репутация преданной жены и умной, твердой женщины. О Сашиних способностях в городе ходили почти легенды.

– Только благодаря ей наш мэр выборы выиграл, – усмехались горожане.

– Неужели? А что она делала?

– Занималась пиаром во время его предвыборной кампании. Недюжинная особа.

Дмитрий и так знал: недюжинная. И вот теперь...

...Дмитрий позвонил в Губернский город. Волнуясь, он слушал гудки, раздающиеся в приемной мэра.

– Да? – Он услышал крепкий мужской голос, возможно принадлежащий силовым структурам.

– Скажите, – начал Дмитрий, – как мне связаться со вдовой покойного...

– Зачем? – Голос стал еще крепче и гуще.

– Чтобы выразить соболезнование.

– Зачем?

– Как зачем? – не нашелся Дмитрий.

– Вы кто? Никто? – Голос отключился.

Дмитрий снова набрал тот же номер.

– Да?

– Как мне связаться с Александрой...

– Не звоните сюда больше. – В трубке зазвенели короткие гудки.

– Вот те раз, – сказал Дмитрий. – Очень, очень странно. И тревожно. Надо туда ехать. И как можно скорей.

Но приехать в Губернский город получилось лишь на третий день. На похороны Дмитрий опоздал. Но на похоронах, он это выяснил доподлинно, вдовы покойного уже не было. Где она? Никто ничего не знал толком. Дмитрий видел отца покойного. Это был изможденный долговязый старик, старый рабочий. Отвернувшись ото всех и уткнув лицо в громадные жилистые ручищи, он беззвучно трясся. Старик тоже не знал, где теперь его сноха.

Александра Ивина-Верхоланцева и ее пятнадцатилетняя дочь Ольга бесследно исчезли.

Из Губернского города в Амстердам Дмитрий вернулся в подавленном настроении. Без слов было понятно, что гибель вертолета с мэром на борту просто-напросто подстроена. Исчезновение супруги мэра и ее дочери не оставляло никаких сомнений в том, что все это дело одних и тех же рук. В довершение чуда в Губернском городе за Дмитрием, интересующимся местонахождением супруги покойного, увязались какие-то неопределенные типы, по виду безработные или загримированные под них. Когда Дмитрий заходил в какой-нибудь дом, они ожидали его у входа и делали это не таясь, прямым текстом давая понять, что присутствие его в Городе нежелательно и пора ему, пока цел, убираться отсюда.

Глава 1

– Крутой подъем в начале Рождественского бульвара – память о берегу древней Неглинки. Направо уходит Рождественка, названная так по старинному Рождественскому монастырю. Его основала в 1386 году княгиня Мария Кейстutowна, мать героя Куликовской битвы князя Владимира Серпуховского. В Москве тогда открылось сразу несколько монастырей для вдов и сирот воинов, погибших на Куликовом поле...

Жаль, что никто не додумался построить монастырь для вдов и сирот жертв политических игр... Саша бы с удовольствием провела остаток дней за толстой монастырской стеной. С годами ей, наверное, удалось бы отделаться от привычки напряженно и быстро осматривать с ног до головы всех встречаемых-поперечных.

Вот эти, например. Американизированная парочка: высокие, спортивные, белозубые муж с женой, обоим слегка за тридцать. С ними упакованный мальчик лет шести-семи: щеки цвета арбузной мякоти и фирменная джинсовая бейсболка. Эти вряд ли. Никто в таких делах не станет брать в свидетели собственного ребенка. Но почему женщина так пристально смотрит на Сашу? Неужели сличает с фотографией?..

– В Рождественском монастыре в 1525 году была насильно пострижена в монахини Соломония Сабурова, супруга великого князя Василия III. Они прожили двадцать лет, но их брак оказался бездетным, а князь очень хотел иметь наследника престола. Он задумал жениться вновь, но развод тогда был запрещен, Соломонию уговаривали добровольно уйти в монастырь – она сопротивлялась. Тогда ее постригли насильно. По преданию, Соломония прокляла будущий брак великого князя и предрекла: «Бог отомстит моему гонителю!» От нового брака Василия III и Елены Глинской родился будущий царь Иван Грозный...

...Ах нет, она просто разглядывает сережки. Конечно же ее заворожили серьги с сапфирами – последний подарок Стаса. «Американка» мечтает о таких же, прикидывает на ходу, во что они могут ей обойтись. Она совершенно безобидна. Так, бедняжка, заинтересовалась сережками, что не замечает: ее муж не на шутку увлечен некоей молодой особой в длинном черном пальто. Под глубоко надвинутым капюшоном Саша видит худое с высокими скулами и огромными синими глазами лицо. Девушка словно не чувствует на себе ничьих взглядов. У нее отсутствующий, отрешенный вид, кажется, она чего-то ждет, к чему-то готовится... А что, если она готовится выполнить миссию – задание, полученное от отцов Губернского города? И пальто у нее какое-то странное, старомодное, как у народоволки.

– В доме номер 12, построенном в конце XVIII века, жили декабристы братья Фонвизины. Здесь в 1821 году собиралось тайное общество Союз благоденствия. В декабре 1825 года одного из братьев, Михаила Фонвизина, арестовали и отправили в Сибирь. За ним поехала его жена Наталья. Возможно, она явилась прототипом пушкинской Татьяны Лариной: совсем юной ее привезли из провинциальной глуши в Москву и выдали замуж за генерала, который был намного ее старше. Оставшись «век ему верна», она последовала за ним в сибирскую ссылку...

Американский муж, не выдержав убийственного равнодушия народоволки, наконец-то отвернулся от нее, подошел к жене и положил ей на плечо руку. На отрешенном минуту назад лице мгновенно проступила досада: переиграла. Хотела заворожить неприступностью и... Слава богу, она нормальная женщина – не народоволка и не террористка.

– На углу со Сретенкой скромно притаилась красивая белая церковь Успения Богородицы в Печатниках. Однажды художник Василий Пукирев, живший неподалеку, зашел в Успенскую церковь, где в тот момент происходило венчание богатого старика и совсем молодой девушки. Увиденное стало сюжетом картины Пукирева «Неравный брак».

Саша оглядывает лица своих подопечных, но тема неравного брака, кажется, оставляет равнодушными всех. Только худенькая, небрежно одетая женщина начинает что-то быстро

шептать своему сыну-подростку. Наверное, сюжет картины пересказывает. Но может, речь у них идет и не о картине, а совсем о другом. Детям, тем более мальчикам, такие темы не интересны, а сейчас, в дни весенних каникул, среди экскурсантов полно детей.

Ненадолго утратив всякую бдительность, Саша задумалась о неравных браках. Если так разобраться, почти все браки неравные. Часто это неравенство скрыто от посторонних глаз, только факт остается фактом.

Ей вспомнилось, как медленно под руку со Стасом она поднималась по ступенькам Губернского кафедрального собора. Ровно пятнадцать минут назад Стас – новоиспеченный мэр – предложил ей руку и сердце, и они отправились на венчание.

Потом в журналах она видела свадебные фотографии. Проворные репортеры бог знает как пронюхали о бракосочетании мэра – после венчания их буквально оглушили потоком разнообразных вопросов и ослепили вспышками камер. Фотографий получилось много. И везде они со Стасом одинаково веселы, влюблены и счастливы. А на самом деле...

Начнем с того, что ее трепетное венчальное платье за несколько минут до венчания было извлечено из багажника Стасовой машины. Она не бегала по магазинам и примеркам, как истинная невеста, – обо всем пришлось позаботиться бедному жениху. И вообще: еще утром этого дня Саша о предстоящей свадьбе не подозревала. Утром она ехала в плацкартном вагоне, спала и во сне умоляла Бога: «Господи, помоги мне забыть...» Невыспавшаяся, разбитая, Саша вернулась домой, и тут же явился Стас и попросил ее выйти за него замуж. Саша догадалась: это и есть помощь Божья. Неравенство, таким образом, было налицо: Стас боготворил ее, а она всего лишь хотела забыть...

Забыла ли? Вопрос философский. Скорее не забыла, нет. Ни слов, ни встреч, ни обещаний. Обещал-то он ей много – с три короба. Жениться, перевезти в Москву, поселить на бульварах неподалеку отсюда, на улице Воронцово Поле. Обещал, обещал – и вдруг исчез. Ну что может быть примитивнее и глупее? Она не верила. Она была гордой и, хотя сама знала за собой этот грех, все же до последнего не могла поверить, что ею пренебрегают.

Не веришь – убедись, взгляни своими глазами! Саша приехала в Москву и под видом журналистки посетила принадлежащий Дмитрию магазин хай-тековской мебели. Но вместо Дмитрия попала на его жену – красивую, яркую женщину Елену. Саша смотрела на Елену и физически ощущала: жизнь у ее соперницы удалась на все сто. Она отлично разбирается в своем деле, выглядит как картинка из журнала, у нее спокойные, уверенные манеры успешного и любимого человека. Кем любимого? Мужем. Дмитрием. Саша задохнулась, и в ту же минуту ей страстно, до обморока захотелось навсегда выбросить Дмитрия из своей жизни. И даже забыть, что он когда-то был рядом с ней. Выбросить, как выбрасывают хлам из окна на улицу. Швырнуть на проезжую часть, на железнодорожные рельсы, под колеса поезда, навсегда увозящего Сашу из Москвы в Губернский город.

На свадебных фотографиях не видно следов той кошмарной ночи в поезде – при помощи фотошопа услужливые репортеры стерли с ее лица растерянность и отчаяние. И она стала жить. Как жена декабриста Наталья Фонвизина. «Я другому отдана и буду век ему верна». Эти слова буквально вертелись у нее на языке, когда – ровно через год после их со Стасом свадьбы – Дмитрий оказался гостем их дома. Саша видела: он задыхается так же, как год назад в магазине хай-тековской мебели задыхалась она. Он собирался что-то объяснить, но им не удавалось поговорить с глазу на глаз. Занятая обязанностями хозяйки дома, Саша не могла уделять каждому гостю достаточно внимания.

Вечером она как бы невзначай сказала мужу:

– Мне не понравился московский гость. И предложение его сомнительное на сто процентов.

С тех пор в Губернский город Дмитрий не приезжал.

Саша усмехнулась: господи, в какого же неинтересного человека превратилась она в последнее время. Все вспоминает и вспоминает. Губернский город, Стас, крушение вертолета... Вспоминает или мучится приступами тревоги, смутного страха. Время прошло, и нужно жить дальше. Но – как жить?

– Маросейка берет свое начало у площади Ильинских ворот. Здесь в сквере стоит памятник героям Плевны – часовня в виде огромного колокола. Она установлена в 1877 году в честь русских гренадеров, павших в боях под Плевной за освобождение Болгарии от турецкого ига. Архитектор Василий Шервуд соорудил памятник на средства оставшихся в живых однополчан.

Чуть дальше стоит старинный дом номер 11, перестроенный из палат XVII века, принадлежавших боярам Нарышкиным. В начале XVIII столетия в доме открылась гимназия, которую основал пастор Глюк, выходец из Риги. У пастора служила чернوبرовая красавица Марта Скавронская. Впоследствии она попала в находящийся неподалеку дворец светлейшего князя Меншикова, где ее и заметил Петр Великий. Вскоре Марта Скавронская стала русской императрицей Екатериной I.

...Саша хотела и не могла подавить в себе тягу к воспоминаниям. Никогда она не мечтала жить во дворце или быть императрицей, но ведь и этого ей попробовать довелось. В Губернском городе они занимали два этажа в доме, бывшем до революции губернаторской резиденцией. Двенадцать комнат, позолота, картины, антиквариат. Чем не дворец светлейшего князя?

И все это казалось Саше ненужной роскошью. Долгие годы ее единственной мечтой было возвращение в Москву. В Губернский город она попала по глупости: вышла замуж за провинциала, который через два года бросил ее. Оставшись одна с маленькой дочкой, Саша отчаянно боролась за жизнь. Москва ей представлялась землей обетованной, и даже командировки в Москву воспринимались как подарок судьбы. В один из своих приездов, в далеком, почти легендарном девяносто третьем году, Саша встретила в Москве Дмитрия.

– Чистопрудный бульвар – второй в Москве по протяженности после Тверского. Здесь находятся знаменитые Чистые пруды, образовавшиеся от запруды реки Рачки, протекавшей когда-то вдоль стены Белого города. В старину в этой местности жили мясники, а рядом находилась скотобойня. Отходы мясного производства стекали в находившиеся поблизости мелкие пруды, поэтому их называли Поганой лужей, или Погаными прудами. В начале XVIII века в Мясниках поселился Александр Данилович Меншиков. Жить по соседству с Погаными прудами светлейший князь не захотел и повелел их вычистить. С тех пор они стали называться Чистыми.

В 1918 году по плану монументальной пропаганды у Мясницких ворот поставили памятник идеологу русского анархизма Михаилу Бакунину по проекту скульптора М. Ковалева. Памятник при поддержке Луначарского был исполнен в абстрактно-футуристической манере – так художник пытался выразить мятежный дух революционера. Он вышел крайне неудачным: с памятника сняли только часть лесов, когда от него начали шарахаться лошади московских извозчиков. Анархисты устроили акцию протеста с требованием убрать памятник и не оскорблять память их учителя, а рабочие написали в газету гневную статью с заголовком: «УБЕРИТЕ ЧУЧЕЛО!» Очень скоро памятник убрали, а в 1959 году в начале бульвара поставили памятник А. С. Грибоедову по проекту скульптора А. Мануйлова.

На этом пешеходная часть экскурсии «Бульварное кольцо» закончена. Если у вас есть вопросы... В таком случае приглашаю пройти в автобус и продолжить знакомство с достопримечательностями столицы. Вам предстоит увидеть Гоголевский, Никитский, Тверской бульвары. А я, экскурсовод Александра Ивина, прощаюсь с вами. Приятного отдыха!

...С Дмитрием они случайно встретились на Тверской. Странно. Тверская – не их место... Продолжая думать о Дмитрии, Саша побрела назад к метро «Тургеневская» по Чистопрудному бульвару.

...В самый первый раз, почти девочкой, она увидела его в скверике у метро «Кировская». Увидела и только, подростки обменялись многозначительными взглядами... Потом, когда Саша приезжала в Москву в командировки, они с Дмитрием любили просто так приходить сюда. Погулять, посидеть в рестораниках... Здесь же они собирались купить квартиру и навсегда поселиться. Сюда, униженная и оскорбленная его внезапным исчезновением, Саша примчалась из Губернского города. Недалеко от этого места находился его магазин – «Мебель фараонов», где за директорским столом вместо Дмитрия восседала лощеная и один бог знает почему агрессивно настроенная Елена. Словом, их история началась и закончилась в этой точке... А не зайти ли ей в мебельный салон?

На замызанной витрине огромными белыми буквами справа налево было выведено слово «Тномер». «Ремонт» наоборот – догадалась Саша. Что такое «ремонт» наоборот? Разрушение – вот что! Все ясно – «Фараоны» не сумели пережить дефолта. Саша одобритительно смотрела на уродливые буквы и вспоминала Елену – благополучную, высокомерную, почти грубую, и по ее телу разливалось согревающее, приятное чувство. Так тебе и надо! Ты была главной – непреодолимой – преградой на моем пути к счастью. Ты помешала ему, но и твое счастье оказалось недолговечным. В прах рассыпались сказочные аквариумы с экзотическими обитателями, шкуры настоящих животных и даже целые покрытия, сшитые из шкур, и каминны в стиле хай-тек – последний писк, находка сезона. «Живой огонь! Что может быть живей? Представляете: посреди комнаты – пирамида, а в ней под стеклом огонь!» – вспомнился Саше вдохновенный Еленин монолог.

Вот теперь сиди и представляй у разбитого корыта! Но Саша знала: у корыта Елена сидит с Дмитрием, а значит, и корыто у нее не такое уж разбитое. По крайней мере, не такое разбитое, как у самой Саши.

Она пошла дальше: по Сретенскому бульвару, по узкой, людной Сретенке, по Садовой-Сухаревской вниз к большому сталинскому дому, где несколько лет назад проживали супруги Загудаевы.

На Садовом было шумно и ветрено. Все-таки в марте на удивление переменчивая погода. По утрам солнышко светит, птицы поют, но стоит подуть ветру... Саша поежилась и подняла воротник серой замшевой куртки. Что толку стоять на ветру возле чужого подъезда? Еще, не дай бог, кто-нибудь из Загудаевых будет возвращаться домой, заметит ее... При одной мысли о возможности такой встречи Саша густо покраснела. Конечно, она потеряла Дмитрия, но достоинство, к счастью, сумела сохранить. Не хватало еще Дмитрию увидеть ее теперь стоящей у его парадного... Интересно, а как бы он сам к этому отнесся? А она? Неужели продолжала бы разыгрывать неприступность, как народоволка сегодня на экскурсии? Народоволка-то осталась ни с чем...

Стараясь поглубже спрятаться в воротник, Саша двинулась назад по Садовой-Сухаревской. Они больше не увидятся. Чудес не бывает. Надо зайти в магазин и купить к ужину продуктов.

Ветер дул в лицо, сбивал с ног. Временами Саша бесстрашно поднимала голову навстречу ветру. Сейчас семь. Самое время. Дмитрий может после работы возвращаться домой. До Сухаревской на метро, а дальше – это единственная дорога.

Она отлично знала, что на метро Дмитрий не ездит, но ей вдруг так захотелось увидеть Дмитрия!

Глава 2

– А Аня Яковлева летом в Италию поедет, – рассказывала за ужином Ольга. – В молодежный лагерь.

Саша молчала.

– И я поеду, – продолжала она капризно. – Мам, ты не слышишь меня?

– Нет, почему же, слышу. Ты собираешься ехать в Италию...

– И что ты на это скажешь?

– Фантазии.

– Да? – с любопытством переспросила Ольга.

– Да! У нас денег на Италию нет.

– Есть у нас деньги!

– Есть, но не на Италию.

– Да какая разница?! Если деньги есть, значит, можно ехать.

– Ошибаешься. Мы не в том положении, чтобы тратить деньги как попало.

– Ты вечно перестраховываешься, мамочка, – начала развязно Ольга. – От нас не убудет ведь! Подумаешь – тысяча баксов.

– Ты с ума сошла – не убудет! Ты думаешь, ты кто? Дочка мэра?! Хочу тебе напомнить: мы живем в коммунальной квартире на подпольном положении. Нам нужно купить нормальное жилье, заплатить за твое образование... И это при нулевых доходах...

– Ты же работаешь!

– За символическую плату.

– Зачем работать тогда?

– Обещали прибавить. Дай бог, чтоб этих денег нам с тобой хватало на жизнь, – нервно объясняла дочери Саша. – Не понимаю тебя, откуда такие королевские замашки? За два года, пока мы жили со Стасом... А до того...

– А я и не помню, как было до того.

– Как это не помнишь? Мы жили на Малой Дворянской, в комнате, у нас была соседка Валентина...

– Мам, ну не до такой же степени!

– Утром, уходя на работу, я оставляла тебе денег на обед, реже на фрукты и на мороженое... Мы даже компьютер купить не могли.

– Правда! Вот это точно. Мне так хотелось поиметь комп. – Ольга ностальгически улыбнулась детским воспоминаниям. – Я завидовала всем, у кого были компьютеры. Слушай, мам, а комната у нас была прям такая же? Очень похожа, правда?

– Ну нет, не очень. – Саша тоже чуть улыбнулась, припоминая давешнее житье-бытье. – Там было два окна и изразцовая печь. Только мебель была такая же допотопная.

– Почему?

– На новую не было денег. Пользовались тем, что осталось от старых хозяев. Впрочем, как и здесь.

– Отстой, – вздохнула Ольга. – Отстой и убожество. В детстве мне все это было по барабану, а сейчас... Сюда и позвать кого-нибудь стыдно. Ту же Аньку! Она меня на смех поднимет...

– Ты ей никогда не говорила, где живешь?

– Не-а! Да ей плевать. Она больше о себе рассказывать любит и чтоб ее слушали внимательно. И вопросы задавали!.. А ты знаешь, мам, какая у них квартирка? По кайфу! А какая у Аньки комната! Подвесной потолок голубого цвета, на нем светильники такие, как звезды, а на полу шкура настоящей зебры.

– Стиль хай-тек, – усмехнулась Саша.

– Чего ты смеешься? – Ольга обиделась. – Прикольно у них.

– Да... Давай подождем немного и тоже купим нормальную квартиру. Обставим ее новой мебелью.

– Точно! Давай! Не хочу я ни в какую Италию. Будем в своей квартирке! А где поселимся? Давай в Крылатском, а?

– Почему именно в Крылатском? – не поняла Саша.

– Ну а где? Только уж не в центре, по крайней мере! Старые дома – одна гниль, а новых почти не строят.

– Я всегда мечтала осесть в этом районе.

– А в Крылатском Анька Яковлева живет. Там велотрек и гребной канал.

– Нам-то это зачем?

– Круто! Престижно...

– ...И дорого – за престиж заплатить придется.

– Ничего, если хватать не будет, мы твои брюлики продадим. Зачем они тебе теперь?

– Как это зачем?

– Сама же говорила, квартира важнее.

Саша молча собрала со стола грязную посуду и ушла на кухню. Когда она вернулась, Ольга спала. В комнате горел свет и громко говорил телевизор. Как ни крути, нужно покупать квартиру. Тянуть с покупкой нельзя – жилье дорожает. Но и спешить опасно: переход на легальное положение резко увеличит их шансы быть обнаруженными.

Ну почему, почему?! Жизнь и без того слишком трудная, почему они должны преодолевать дополнительные преграды? Если бы не проклятая конспирация, Саша могла бы устроиться на хорошую работу. Допустим, в какой-нибудь глянцевого журнала. Но нельзя – под материалами неизбежно придется ставить свою фамилию. В крайнем случае, конечно, можно воспользоваться псевдонимом, но все равно: приличное издание будет настаивать на легальном трудоустройстве. Придется оформлять страховой полис, ИНН. А уж в компьютерные базы точно будет внесен не псевдоним, а настоящее имя. Значит, остается ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.